

«В Европе сапожник, чтоб бараном стать,  
Бунтует, понятное дело!  
У нас революцию сделала янать:  
В сапожники, что ль, захотела?...»<sup>9</sup>

Следовательно, метафора Версилова заимствована писателем из поэмы Н. А. Некрасова.

## II

«Я во Франции — француз, с немцем — немец, с древним греком — грек, и тем самым наиболее русский», — говорит о себе Версиров (13, 377). Это — парафраз известного высказывания Н. В. Гоголя о «чуткости» Пушкина: «В Испании он — испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец в полном смысле этого слова; с отжившим человеком он дышит стариною времени минувшего; заглядывает к мужику в избу — он русский весь с головы до ног...» («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», 1846).<sup>10</sup> Позже Достоевский в Пушкинской речи развивает гоголевскую мысль о свойстве гениального поэта «перевплотиться вполне в чужую национальность» (26, 146).

В. П. ВЛАДИМИРЦЕВ

### СИБИРСКАЯ ТЕТРАДЬ

(Дополнение к комментарию)

1. *Фартикультянисть* (4, 239). Диалектное слово широкого арсала, имеет самостоятельное лексическое значение, не зависимое от слова «фарт» (см. попытку такого сближения — 4, 316). На это указывают, в частности, материалы, хранящиеся в картотеке Словари русских народных говоров (СРНГ) Института языкознания АН СССР (Ленинград): фартикультянистый, фе(о)ртикультянистый — сделанный, приготовленный хорошо, с соблюдением всех форм, требуемых приличием и искусством (Мещовский уезд, Калужская губ., 1892 г.); производные: фертикультянисто — сделано — ладно, хорошо (Ветлуга, 1914 г.); нефертикультянисто — нескладно (Бронницкий уезд, Москов. губ., 1897 г.). В 1956 г. в Камском Устье автору этих строк, участнику фольклорной экспедиции, встретилось в устном бытовании слово «нефертикультянистый», значение которого — «нескладный, несуразный» — было окрашено прошлой и насменной.

2. *Полняк* (4, 240). По данным картотеки СРНГ, одно из значений слова — полная мера, максимум телесных наказаний («получить розги полняком»). Это соответствует наказаниям фельдшера омского военного госпиталя А. И. Иванова относительно «полняка» (см.: *Владимирцев В.* В зеркале Сибирской

тетради. — Енисей, 1981, № 6, с. 42—43). Сводом военных постановлений был определен высший предел наказания палками (говоря на арестантском аргю, «полняк»): 12 тысяч ударов, или прогнание двенадцать раз сквозь строй в тысячу солдат, вооруженных пикирутенами. См.: *Тимофеев А.* Пикирутены. — Энциклопедический словарь, СПб., 1903, т. 39А (78), с. 845—846; *Евреинов П.* История телесных наказаний в России. СПб., 1913, с. 113—114.

3. *Салфет вашей милости* (4, 241). Из фольклорных приветствий-причетов. «При Петре I говорили: салфет (salut) вашей милости! здравствуйте!» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 4, с. 131). «Когда чихнет кто-нибудь, ему говорят:

Салфет вашей милости,  
Красота вашей чести,  
Цвета цветущие,  
Во здравие растущие».

(*Харузина В. Н.* «Причетки», записанные в г. Венева Тульской губернии. — Этногр. обозр., 1904, № 3, с. 71).

4. *А ты меня и бей, да только хлебом корми* (4, 242). Из просительных причитаний нищей братии, традиционное присловье испрашивающих подавание, милостыню. Почти одновременно с Достоевским вариант этой формульной просьбы отмечен Н. И. Костомаровым: «Иные просили милостыню, затягивая самым плачевным напевом: „побейте меня, да покормите! Руки-ноги поломайте, да милостинки христовой подайте!“» См.: *Костомаров Н. И.* Сын. Рассказ из времен XVII века (из архива фамильных преданий). — Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый П. Калачовым. СПб., 1859, кн. 4, с. 35.

5. *Жирно ели, оттого и обеднели* (4, 246). Достоевский извлек это речение из фольклорно-пословицной стихии, возможно, в семипалатинский период. Ср.: «Не оттого оголели, что сладко пили-ели, а так бог дал...» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, с. 217). В конце 1850—начале 1860-х гг. Г. Н. Потанин записал на Иртыше близ Семипалатинска: «Не оттого обеднели, что сладко ели» (*Потанин Г. Н.* Юго-западная часть Томской губ. в этнографическом отношении. — В кн.: Этнографический сборник. СПб., 1864, вып. 4, с. 54).

6. *Разговор Петрович* (4, 247). К необычному «антропониму» есть ближайшая параллель в очерке И. Г. Прыжова о московских нищих середины XIX столетия: «...идет лицо, называемое Рассказ Петрович; он собирает Христа ради и рассказывает при этом различные притчи...». Прыжов приводит «любимое изречение» Рассказа Петровича, выдержанное в духе афористики Сибирской тетради: «Жизнь человеческая — сказка, гроб — коляска, ехать в ней не тряско» (*Прыжов И.* Нищие на святой Руси. М., 1862, с. 101). Со всей очевидностью можно полагать, что Разго-

<sup>9</sup> Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1982, т. 4, с. 165.

<sup>10</sup> Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Л., 1952, т. 8, с. 384.

вор Петрович у Достоевского, как и Рассказ Петрович у Прыжова, — ходовое народное импровизационное говоруна, балаганка, мастера красного словца. От речистых людей этого типа Достоевским позаимствовано многое в Сибирской тетради.

В. И. МЕЛЬНИК

#### К ТЕМЕ: РАСКОЛЬНИКОВ И НАПОЛЕОН

(«Преступление и наказание»)

За трагической фигурой Родиона Раскольников в романе «Преступление и наказание» то и дело мелькает тень его исторического двойника — Наполеона. И в мыслях, и в разговорах герой не раз будет вспоминать этого человека. Уже с пушкинских времен имя Наполеона становится в русской литературе символом буржуазного индивидуализма.<sup>1</sup> Писатель акцентирует момент «типичности» в отношении Раскольника к Бонапарту репликой Порфирия Петровича: «Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» (6, 204).

«Теперь» — это 1860-е годы. Но любопытно то, что Достоевский, характеризуя Наполеона в романе не прямо, хотя и достаточно определенно, в качестве источников характеристик использует оценки, данные Наполеону-человеку в русских журналах времен войны 1812 г. Нельзя не учитывать и того, что ко времени написания романа существовала уже обширная литература о Наполеоне.

Хотя Раскольников не признает справедливости замечания Порфирия Петровича о «повальном наполеонизме», внутренне он склонен постоянно «проверять» свои поступки этим историческим образцом. Сравнение себя с Наполеоном приводит его к мучительной мысли: «Нет, те люди не так сделаны; настоящий *властелин*, кому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне...» (6, 211). В седьмом томе Полного собрания сочинений Достоевского этот отрывок практически оставлен без комментария, хотя обращают на себя внимание выделенные писателем слова.

Этот авторский курсив, с одной стороны, подчеркивает психологическое состояние Раскольника. В порыве самоуничижения герою, кажется, доставляет удовольствие безнадежно сравнивать себя с людьми, которые обращаются с себе подобными, как с вещами («забывают... армию», «тратят... полмиллиона людей»). Однако, с другой стороны, выясняется, что курсив означает в данном случае и нечто иное, а именно: цитацию чужой речи, речи самого Наполеона. Достоевский-художник ориентируется не

только на имя Наполеона, ставшее и само по себе известным символом, но и на отражение самосознания этой личности в речи. Таким образом, Раскольников говорит о Наполеоне так, как сказал бы о себе сам Наполеон, его собственными словами!

На то, что Достоевский включает в речь Раскольника наполеоновскую фразу, указывает помещенный в журнале «Сын отечества» за 1813 г. анекдот о французском полковнике. Вот его содержание: «Во время пребывания Наполеона в Дрездене, пред началом прошлогодней кампании, король саксонской в разговоре с ним заметил, что предстоящая кампания будет стоить множества людей. „Вероятно, отвечал деспот, но я могу ежемесячно *тратить* (depenser) двадцать пять тысяч человек!“ — Ужасный ответ государю, известному своим человеколюбием, который видел себя в необходимости предать множество своих подданных сей адской *трате* (курсив автора. — В. М.)!»<sup>2</sup> Вероятно, анекдот этот переписан из какого-нибудь французского источника, па что косвенно может указывать слово *depenser*, приведенное переводчиком для точности.

Можно было бы принять выражение Наполеона «тратить» за мрачный каламбур, который был в каком-то смысле вызван самим саксонским королем, употребившим слово «стоит». Ведь известно, что Наполеон «в разговоре, так же, как и на войне, был чрезвычайно находчив, изобретателен...»<sup>3</sup> Однако если это и каламбур, то весьма точно отражающий самый стиль мышления Наполеона. В Скотт в «Жизни Наполеона Бонапарта» упоминает о том, что противники французского полководца называли его военачальником, «тратившим по десять тысяч человек в сутки».<sup>4</sup> Очевидно, что самый способ мышления Наполеона («тратить» людей) вошел в поговорку. Воссоздавая образ русского индивидуалиста 60-х гг., Достоевский заставляет его мыслить и говорить словами и понятиями Наполеона, подчеркивая тем самым типологическую общность в психологии Раскольника и его исторического двойника.

Читал ли Достоевский давно забытые померя «Сына отечества»? Определенно ответить на этот вопрос пока не представляется возможным. Конечно, возможно, писатель пользовался и иным источником. В данном случае важнее установить в принципе наличие реминисценции. Но думается, что и чтение «Сына отечества» также не должно представляться маловероятным. Русские писатели, обращавшиеся к теме войны 1812 г., читали этот журнал. Так, например, создавая в 1843 г. повесть «Волгин», А. Ф. Вельтман близко к тексту пересказывает и комбинировает (в речи одного из героев) два анекдота, помещенных в различных номерах журналов за тот же 1813 год.<sup>5</sup>

<sup>2</sup> Сын отечества, 1813, ч. 4, № 8, с. 97.

<sup>3</sup> Стендаль А. Собр. соч. М.; Л., 1950, т. 14, с. 15.

<sup>4</sup> Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта. СПб., 1837, т. 1, с. 287.

<sup>5</sup> Вельтман А. Ф. Волгин. — Библиотека для чтения, 1843, т. 60, с. 44—45. Ср.: Сын отечества, 1813, ч. 1, № 1, с. 43; № 6, с. 244.

<sup>1</sup> См.: Храпченко М. В. Лев Толстой как художник. 4-е изд. М., 1978, с. 93—95.